

*Светлой памяти моего отца (1938–2010)
и первенца-сына (2006)*

1

Я пишу эти строки на страницах чужого журнала, при свече, в чреве гигантской рыбы. Меня проглотили. Я сожран, но все еще жив.

Я пытался выбраться. Я предпринял множество попыток. Но в конце концов пришел к выводу, что сделать это невозможно. Я заточен внутри громадного существа, которое медленно меня переваривает. Довольно странное место для обитания — эта пещера между жизнью и смертью. И все это представляется мне неудачным чудом.

Я страшусь темноты.

А темнота подступает со всех сторон.

У меня есть свечи, которые дают мне некоторую защиту. И еще у меня есть эта чужая книга, чьи пустые страницы я буду постепенно заполнять.

Прежде чем догорит последняя свеча, я поведаю мою историю. Должен честно предупредить вас: вы не найдете в ней ни описаний кровопролитных битв, ни исповеди убийцы, ни истории великой любви. Но до всего этого, еще живя на суше, я сделал удивительную вещь.

Невозможную вещь. За что — дабы восстановить равновесие в мире — меня теперь и ждет жуткая расплата. Я расскажу вам о своем ужасном позоре, свою историю о сверхъестественном, но в то же время и до жути реальном.

Следует ли мне считать себя на редкость удачливым или напрочь лишенным удачи? Вообще-то, вплоть до последнего происшествия я был уверен, что в жизни мне везло и судьба ко мне благоволила явно больше, чем я того заслуживал. В конце концов, там, на суше, я сотворил чудо, создал невозможную вещь. Но этот счастливый миг удачи померк под бременем выпавших на мою долю невзгод, о коих я не в силах позабыть, ибо ежедневно ощущаю их влияние на собственную жизнь.

Меня сожрал морской монстр — акула или что-то вроде, тут я не специалист. И это не просто китовая акула, существо, внутри которого я ныне нахожусь, говорю вам прямо, и не гигантский дельфин, невесть кем себя возомнивший. Меня проглотила исполинская тварь, возможно, самая крупная из живущих в наших морях. А быть может, это ископаемая саблезубая акула, чудом выжившая с доисторических времен. В ней-то я и обретаюсь.

Я слышал об этом прожорливом чудище задолго до того, как впервые вышел в море. Было ли это большое военное судно с пушками и мушкетами на борту, оснащенное гарпунами и зубастыми крючьями? Нет, должен признаться, что

нет. Я пустился в путешествие по водному миру в шлюпке — довольно древнем суденышке. Она славно держалась на воде, и в ней можно было мирно плыть, покуда море сохраняло спокойствие. А отправился я в плавание, потому что кто-то сообщил мне — и теперь я теряюсь в догадках, не было ли это жестокой шуткой? — будто мой сын терпит бедствие, и мне захотелось его вернуть. Я мечтал спасти его, надо сказать начистоту. Уж что-что, а это я знаю точно. Я купил небольшую весельную лодку. Она показалась мне достаточно крепкой, но я в таких делах не дока, и чем дольше я греб, тем меньше уверенности во мне оставалось.

В нескольких милях от берега вода вдруг странно забурлила. Внезапно поднялись волны, хотя еще несколько мгновений назад на море стоял полный штиль. Моя утлая шлюпка закачалась, и вода начала захлестывать через борт. Надвигался шторм. Лодчонку мотало из стороны в сторону, волны бились о борта, и тут море разверзлось — словно закипело — и надо мной нависла непомерная пасть. И эта колоссальная пещера неслась прямо на меня, точно живой туннель. Я успел лишь ужаснуться ее размерам и понял, что у меня нет никакой надежды спастись от твари, исторгнутой из пучины. Это был морской монстр, колосс, гора плоти.

Я видел его лишь мельком, в течение нескольких секунд. Слово Моисей, он разъял

воды, и пред моим взором возникла зияющая черная бездна.

Выбора у меня не было — и я, шагнув через борт к этой бездне, рухнул в нее.

В разверстую пасть.

Я увидел его зубы. Выстроившиеся двумя или даже тремя рядами. Как кладбищенские надгробия.

Я падал и падал — прочь от всего, что знал доселе.

Схвачен, заточен... Похищен!

И как же теперь я смогу найти его?

Больше я его не увижу.

* * *

Я провалился в темный туннель, мое тело падало, кувыркаясь и ударяясь об стенки, отскакивая, неумолимо влекомое все глубже, и я отчаянно ловил губами воздух. Чем ниже я падал, тем больше сгущалась влажная тьма вокруг, пока наконец падение не прекратилось. Я очутился на твердой поверхности и снова смог дышать. Что же это за место с причудливым рельефом? Подо мной чавкала жижа. Я отфыркивался, я пыхтел — и при этом, как ни крути, был жив! Все мое тело было в царапинах, я был взъерошен, весь в синяках и кровоподтеках, но тем не менее неважно, как я выглядел, я был *живой*. Но что за жизнь меня ожидала?

Ослабевший и несчастный, дрожа от ужаса в сырой тьме, я наконец-то смог на ощупь об-

следовать окрестности. Поверхность была влажная, но довольно твердая, и сколько я ни шарил во тьме, я не смог нащупать ее краев. Я опасливо поднялся на ноги, уверенный, что моя голова вот-вот уткнется в твердь. Но вскоре я уже выпрямился во весь рост, а крыши все еще не было. Я осторожно поднял дрожащие руки высоко над головой, готовый к тому, что они упрутся во что-то неподатливое, но ничего не нащупал. Я встал на цыпочки и, насколько смог, потянулся пальцами еще выше, но попал только в пустоту. В следующее мгновение я, похоже, начал ощущать присутствие высокого потолка: сверху что-то капало. И с того мгновения я постоянно ощущаю эту жуткую морось.

Итак, это было какое-то пространство.

Я сделал пять шагов на восток — пустота. Десять шагов к западу — ничего. Поверхность под ногами, замечу, была неровной. Я двинулся было вперед и тут же обо что-то споткнулся: это были ошметки недоеденной морской живности, но конца-края так и не нашел.

Я крикнул — изменившийся звук моего голоса меня ужаснул.

— Эге-гей!

Звук был неприятный, но ответ не замедлил себя ждать:

— Гей-гей-гей!

Отклики звучали все тише и тише: исчезающие призраки моего крика.

В полной темноте я продолжал двигаться ощупью, но не встречал ничего, кроме кромешного, сгущающегося мрака, пока не наскочил на что-то твердое. Стена, чуть скошенная, но не из плоти — мне почему-то показалось, что она *деревянная*. Сложенная из досок. Изгибающаяся кверху. Дерево? Это невозможно!

Дрожащими пальцами я провел по дереву и, нащупав кромку, взобрался на нее. Это потребовало немало усилий, несколько раз я срывался вниз. Но в конце концов, добравшись до края изогнутой стены, я обнаружил плоскую поверхность! Плоская? В самом деле? Точно — плоская!

Этого не могло быть. И все же это было так.

Я пополз по плоскости и довольно скоро дополз до проема в плоской поверхности и свалился в него, очутившись еще где-то. Как и в прошлый раз, я упал. Но на сей раз падал недолго. По моим прикидкам, я преодолел расстояние в рост взрослого человека.

Мой рот наполнился кровью. Я раскинул руки: плоская поверхность, но не только. Я не поверил своим ощущениям.

Лестница!

Мои пальцы нащупали прочные *ступени*. Нет! Это невозможно! Но ошибки быть не могло. Я упал на ступени. Неужто эта диковинная тварь оснащена винтовой лестницей, ведущей в ее внутренности? Может быть, есть и изящная ротонда вокруг ее сердца? А почки — сдвоенное

отхожее место? А пищевод — краснокирпичная печная труба? Как странно: гигантская рыба являла собой конструкцию из прямых углов.

На полу — прочном полу, как я успел понять, — я нащупал сундуки и деревянные ящики. Они стояли повсюду. Сундуки эти явно не были естественной частью моего колоссального хозяина, догадался я, но скорее запасом его пропитания — вроде меня. Мне удалось сбить крышку с одного из ящиков, и я пошарил внутри. И сразу нащупал уложенные ровными рядами знакомые предметы, сделанные — какая *насмешка судьбы!* — из китового жира. Свечи! Спермацетовые столбики — множество маленьких солнц, маленьких убийц ночи. И, поверьте, абсолютно сухих.

Привет, спермацет!

Зажечь одну свечу и вновь обрести зрение. Это было бы чудесно. Я принялся шарить в ящике, надеясь найти там свое спасение — огниво, но этого чуда я был лишен. Мне так не терпелось вновь прозреть, что я запаниковал. Пока наконец, едва не обезумев от постигшей меня беды, не вспомнил, что спасение все это время было со мной. «Ах, Джузеппе, Джузеппе, — сказал я себе, — разве ты не заядлый курильщик трубки?» Ну да, я же член этого славного братства. Будь здесь светло, я бы показал вам свой правый большой и указательный пальцы, пожелтевшие от моей давней привычки. И еще вы бы сра-

зу заметили выдающую меня поросль на верхней губе, всю в табачных пятнах. И вы бы увидели мои зубы, живые свидетели моего пристрастия. *Итак, где же? А!* Что в левой штанине? Только моя нога. Справа? Там что-то есть. *Осторожнее. Осторожнее, вынимай медленно и аккуратно. Это то самое? Я спрашиваю. О!* Ну да! Прекрасная дама! Люси, мой Люцифер! И потом я чиркну ею о коробок, открою ей глаза. Я вознес пламя к небесам. Я зажег восковую спичку, свою Весту¹.

¹ В е с т а — в римской мифологии богиня огня, домашнего очага. — *Здесь и далее прим. пер.*

У меня был свет.

Свет, ура!

Это желтоватое пламя показалось бы вам убогим и чадящим; вы сочли бы его не стоящим моих усилий, но для меня то был великий огонь жизни. То был цветок, красивый дух, чудо природы! Я сунул спичку в пламя свечи, увеличив яркость освещения. Я поднял свечу повыше и неотрывно смотрел на пламя. О, как же я упивался его ненаглядным теплом, его трепещущим телом! Признаюсь: слезы брызнули у меня из глаз, и — моя добрая подруга — она тоже всплакнула следом: первая слеза горячего воска упала мне на руку. Итак, свет озарил мою тьму, у меня был ящик яркого света. Целых семь ящичков.

Теперь я, находясь во чреве монстра, смогу разогнать крошечную тьму.

* * *

Наконец я узнал, что нахожусь в тесном помещении, вроде прихожей, это было ясно. Невероятно, но к востоку и к западу от меня я заметил другие помещения. И другие лестницы. Я поднимался по ним, прикрывая ладонью трепещущее пламя свечи, чтобы изучить свое положение.

В конечном счете я пришел к выводу, что нахожусь на *корабле*. Судно «Мария» из Копенгагена, как гласили надписи на корме и на бортах.

Мой хозяин, точно услужливый отельер, заранее извещенный о моем прибытии, подгото-